

·the big book·

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

БЕРНАРД КОРНУЭЛЛ

ПОБЕГ СТРЕЛКА ШАРПА
•
ЯРОСТЬ СТРЕЛКА ШАРПА

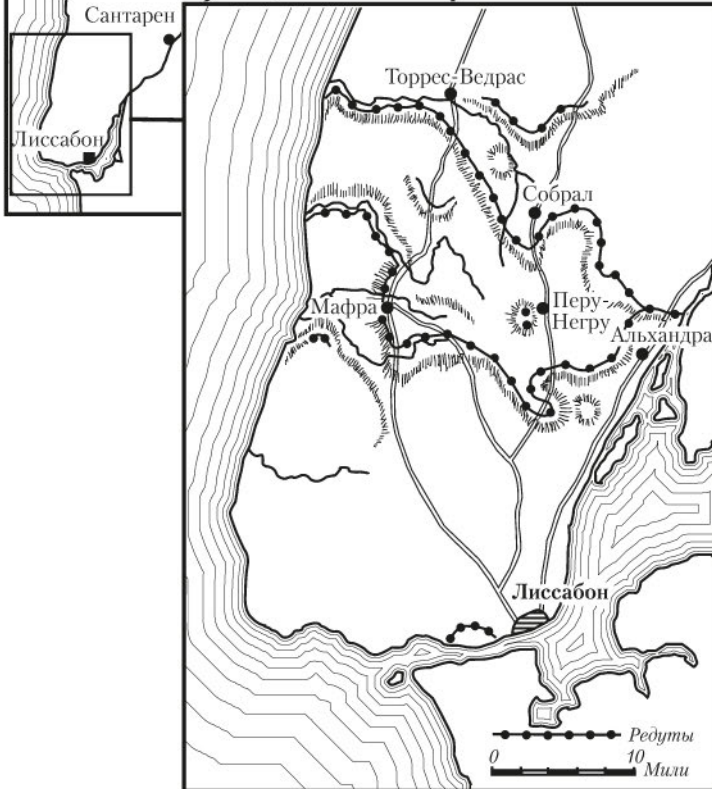
Санкт-Петербург

ПОБЕГ
СТРЕЛКА ШАРПА

«Побег стрелка Шарпа» посвящается СиСи

Кампания 1810 года. Буссако, Португалия

Часть первая

ГЛАВНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ЛИНИИ ТОРРЕС-ВЕДРАС

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Мистер Шарп пребывал в скверном настроении. Паршивом настроении. По мнению сержанта Харпера, он искал на свою голову неприятностей, а сержант Харпер редко ошибался, когда дело касалось капитана Шарпа. И еще сержант Харпер хорошо знал, что связываться с капитаном, когда тот не в духе, себе дороже, но, с другой стороны, жизнь без риска казалась сержанту Харперу слишком пресной.

— Вижу, сэр, форму вам подлатали, — бодро заметил он.

Шарп пропустил реплику мимо ушей. Они поднимались по голому склону под знойным португальским солнцем. Был сентябрь 1810 года, почти осень, но лето задержалось, и окрестный пейзаж иссыхал под палящими лучами. На вершине холма, примерно в миле от Шарпа, стояло некое каменное сооружение, напоминающее по виду амбар. Рядом с ним пристроилась заброшенная телеграфная станция — деревянная конструкция, поддерживавшая высокую мачту с неподвижными, обвислыми от зноя сигнальными крыльями.

— И стежок на мундире такой аккуратный, — продолжал Харпер беззаботным тоном человека, которому и сам черт не брат. — Сразу видно, не ваша рука. Похоже, женская работа, а? — Последнее предложение заключало в себе вопрос.

Шарп и на этот раз промолчал. Длинная кавалерийская сабля нещадно била его по левому бедру. На плече висела винтовка. Офицеру такое оружие не полагалось, однако Шарп когда-то был рядовым и привык, будучи на войне, иметь под рукой достойный инструмент.

— Не иначе как познакомились с кем-то в Лиссабоне? — не унимался Харпер.

Шарп уже закипал, но еще притворялся глухим. Мундир на нем — как верно подметил Харпер, аккуратно заштопанный — был зеленый, потому что Шарп был стрелком. Точнее, он считал себя стрелком, представителем армейской элиты, одним из тех, кому оказана честь иметь бейкеровскую винтовку и носить темно-зеленую форму вместо красной, но превратности войны таковы, что Шарпа с десятком подчиненных направили к красномундирникам, и теперь он командовал легкой ротой Южного Эссекского полка, которая и тащилась за ним вверх по склону. Большинство солдат были в красных мундирах британской пехоты и вооружены гладкоствольными мушкетами, однако некоторые, как сержант Харпер, сохранили верность старым зеленым курткам и винтовкам.

— Так кто она все-таки такая? — спросил напрямик Харпер, устав ходить вокруг да около.

Теперь не выдержал и Шарп:

— Сержант Харпер, хотите неприятностей, продолжайте.

— Есть, сэр, — ухмыльнулся Харпер.

Уроженцу Ольстера, католику и сержанту, ему не полагалось водить дружбу с англичанином, безбожником и офицером, но он эту самую дружбу водил. Харперу нравился Шарп, и он знал, что нравится Шарпу, тем не менее в данном случае язык все же следовало придержать. Вот почему Харпер не произнес больше ни слова, зато просвистел вступительные ноты известной песенки «Как я хотел бы, чтобы кончилась война».

Память тут же отозвалась, и в голове у Шарпа зазвучали начальные строки: «На лужайке поутру, по жемчужной по росе собрала краса-девица синих цветиков букет». Ну и хитрец же этот Харпер! Шарп невольно рассмеялся, потом выругался и бросил мрачный взгляд на победно ухмыляющегося сержанта.

— Жозефина, — обронил он.

— Мисс Жозефина? Вот так так! И как она?

— Вроде бы хорошо, — туманно ответил Шарп.

— Рад слышать, — без малейшего притворства сказал Харпер. — Так вы, сэр, небось, чай у нее пили?

— Пил, сержант. Пил этот чертов чай.

— Ну конечно, сэр. А как же иначе. — Пройдя несколько шагов молча, Харпер пришел к выводу, что будет нелишним испытать удачу еще разок. — Вы же, сэр, и с мисс Терезой любезничали...

— С мисс Терезой? — повторил Шарп, как будто слышал это имя в первый раз, хотя, по правде говоря, в последние недели он только и думал об этой женщине с жестким, ястребиным лицом. Женщине, которая ушла через границу в Испанию с партизанским отрядом. Бросив исподлобья взгляд на сержанта, он увидел широкую физиономию с застывшим выражением полнейшей невинности. — Да, мне нравится мисс Тереза. — Шарп поймал себя на том, что повысил тон, словно человек, которому есть в чем оправдываться. — Мы, может, и не увидимся больше!

— Однако вам бы хотелось, — безжалостно указал Харпер. — Ведь хотелось бы, да?

— Конечно хотелось бы! И что с того? Да, есть такие девушки, которых хочется увидеть снова, но это не значит, что мужчина должен вести себя как какой-нибудь святой, пока их носит черт знает где. Что, не так?

— Вы правы, сэр, — согласился Харпер. — И я понимаю, почему вам так не хотелось возвращаться. Вы там распивали чай с мисс Жозефиной, штопали мундир да веселились. Чего уж тут...

— Я не хотел возвращаться, — оборвал его Шарп, — потому что мне обещали месячный отпуск. А дали, чтоб им провалиться, всего неделю!

Харпер, однако, вовсе не собирался рассыпаться в сочувствиях. Да, начальство объявило капитану месячный отпуск в награду за доставленное из вражеского тыла золото, но в этой веселенькой прогулке участвовала вся рота, и никому больше

не дали даже дня отдыха. С другой стороны, он понимал и Шарпа — тот уже размышлялся, нацелившись провести целый месяц в постели с Жозефиной, и вдруг такой облом — тут бы и епископ полез в бутылку.

— Одну неделю, — буркнул Шарп. — Чертова армия!

Отступив с тропинки, он оглянулся на подтягивавшуюся роту. Откровенно говоря, скверное настроение имело своей причиной не столько усеченный отпуск, сколько кое-что другое, но признаваться в этом Харперу не хотелось. Пройдя взглядом по колонне, он отыскал лейтенанта Слингсби. Проблема заключалась как раз в нем. В этом чертовом лейтенанте, чтоб его, Корнелиусе Слингсби.

Добравшись до Шарпа, солдаты устало присели у тропинки. Благодаря последнему прибывшему из Англии пополнению под началом у него оказались пятьдесят четыре человека, и все эти новички мозолили глаз свежими красными мундирами. У остальных форма давно выгорела под солнцем и пестрела коричневыми заплатками, так что издавлека этих воинов можно было легко принять за бродяг. Слингсби, разумеется, уже указал Шарпу на сей факт.

— Новая форма, Шарп, — протыкал он визгливым голосом, — придаст людям бодрости. Заставит подтянуться. И дисциплина улучшится. Нужно обратиться в интендантскую службу.

Чертов придурок, думал Шарп. Новая форма поступит в должный срок, скорее всего зимой, и просить раньше просто бессмысленно. К тому же люди привыкли к старой, в которой чувствуют себя удобно. Как привыкли и к французским кожаным ранцам. У новичков ранцы были британские, фирмы Троттера, с тугими ремнями, которые после долгого марша сжимали ребра не хуже полос раскаленного железа. Французские таких проблем не доставляли.

Спустившись к роте, Шарп приказал новичкам показать фляжки с водой и обнаружил, как и ожидал, что они у всех пустые.

— Дурачье. Воду надо распределять. Пить по глотку. Сержант Рид!

— Сэр? — Сержант Рид, красномундирник и методист, предстал перед капитаном.

— Проследите, чтобы воды больше никому не давали.

— Слушаюсь, сэр. Будет исполнено.

Шарп уже знал, что будет дальше. Распухшее горло, надсадное дыхание, во рту будто пыли насыпали — все знакомо. Что ж, по крайней мере в следующий раз такой глупости не допустят. Он дошел до арьергарда колонны.

— Как видите, никто не отстал, — радостно, как рассчитывающий на заслуженную косточку терьер, похвастал Слингсби. Невысокого роста, прямой как палка, с квадратными плечами, он прямо-таки излучал бодрость и деловитость. — Мы с мистером Айлиффом спускаю никому не давали.

Шарп промолчал. Лейтенанта Корнеулиса Слингсби он знал всего неделю и за это время успел проникнуться к нему граничащей с ненавистью неприязнью. Каких-то особенных причин для такой неприязни не было, если не считать причиной то, что все в лейтенанте раздражало его и даже бесило: начиная от плоского, как лопата, затылка, поросячьих, навывкате глаз, черных усов, сизого, с рваными жилками вен носа, короткого, как чих, смеха и важной походки. Возвратившись в роту из Лиссабона, Шарп обнаружил, что Слингсби заменил опытного и надежного лейтенанта Роберта Ноулза, назначенного на должность адъютанта в штаб полка.

— Корнелиус некоторым образом родственник одного почтенного лица, — уклончиво объяснил полковник Уильям Лоуфорд. — Вы с ним поладите.

— Вы так думаете, сэр?

— Он поступил на службу довольно поздно, поэтому до сих пор остается лейтенантом.

— Я вот на службу поступил рано, — сказал Шарп, — и тоже все еще лейтенант. Произведен, разумеется, в капитаны, но остаюсь лейтенантом.

— Ох, Шарп, — раздраженно проворчал Лоуфорд. — Никто лучше меня не осведомлен о ваших заслугах. Если бы появилась вакансия... — Он не договорил. Впрочем, Шарп и без того знал ответ. Его произвели в лейтенанты, что было равносильно чуду для человека, пришедшего в армию безграмотным рядовым, и даже назначили на капитанскую должность, однако при этом фактически оставили в прежнем звании. Стать настоящим капитаном он мог, либо купив патент, либо по прямому производству Лоуфорда, что представлялось маловероятным. — Я ценю вас, — продолжал полковник, — но возлагаю на Корнелиуса большие надежды. Ему тридцать. Или тридцать один. Староват для лейтенанта, зато предприимчив и уже имеет немалый опыт.

Опыт. Прежде чем вступить в полк Южного Эссекса, Слингсби провел какое-то время в 55-м, квартировавшем в Вест-Индии, где благодаря лихорадке и был произведен досрочно в лейтенанты. Покомандовав ротой легкой пехоты, парень возомнил, что постиг все премудрости службы. Службу он, может быть, и знал, но боевого — в отличие от Шарпа — опыта не имел никакого.

— Я хочу, чтобы вы взяли его под свое крыло, — закончил полковник. — Поможете ему, а, Шарп?

В чем Шарп с удовольствием помог бы наглецу, так это сойти пораньше в могилу. Однако подобного рода мысли приходилось скрывать, равно как и острое отвращение, которое он испытывал к выскочке-коротышке с первого же дня.

— Мы с мистером Айлиффом видели там каких-то людей. — Слингсби протянул руку в направлении телеграфной станции. — Человек десять, я бы сказал. И на одном, если не ошибаюсь, синяя форма. Как думаете, там никого не должно быть?

Шарп сильно сомневался, что новичок, лишь недавно прибывший из Англии, успел разглядеть хоть что-то, хотя сам он заприметил всадников еще добрых пятнадцать минут назад и с тех пор все задавался вопросом, кто бы это мог быть, потому что официально станция считалась заброшенной. Обычно

там находилось несколько солдат, охранявших флотского мичмана, который, манипулируя развешенными на мачте черными мешочками, передавал сообщения из одного конца Португалии в другой. Потом французы где-то оборвали эту цепочку, и англичане убрались с холмов, позабыв уничтожить именно эту станцию. Оставлять ее в целости лягушатникам не было никакого смысла, а потому рота Шарпа получила простой и недвусмысленный приказ: сжечь телеграф.

— Может, француз? — спросил Слингсби, имея в виду синюю форму.

Судя по тону, он уже рвался в бой и был готов штурмовать холм. Вся его короткая фигура выражала эту готовность.

— Не важно, даже если и лягушатники, — хмуро отозвался Шарп. — Нас все равно больше, чем их. Пошлю наверх мистера Айлиффа — пусть его пристрелит. — (Айлифф обеспокоенно завертел головой. В свои семнадцать он выглядел на четырнадцать, мальчишка, отправленный в армию папашей, не придумавшим, чем еще занять сына.) — Покажите фляжку.

Айлифф испуганно посмотрел на него.

— Она пустая, — признался он и съежился, словно ожидая наказания.

— Слышали, что я сказал солдатам насчет пустых фляг? — спросил Шарп. — Что они дураки. Они, но не вы. Потому что вы офицер. А офицеры дураками не бывают.

— Совершенно верно, — вставил Слингсби и фыркнул.

Он всегда фыркал, когда смеялся, и Шарп с трудом подавил желание перерезать ублюдку глотку.

— Цените воду. — Шарп бросил фляжку Айлиффу. — Сержант Харпер! Вперед!

Подъем на вершину занял еще полчаса. Похожее на сарай строение служило, по-видимому, церковью, поскольку в нише над входом стояла статуя Девы Марии. Телеграфная башня примыкала к церквушке и даже опиралась на ее восточный щипец тяжелой деревянной фермой, которая и несла на себе платформу, с коей мичман передавал загадочные сигналы.

Сейчас там никого не было, и сигнальные веревки трепыхались на ветру, колотясь о просмоленную мачту. Выкрашенные в черное мешки успели снять, но веревки, с помощью которых их поднимали и опускали, остались, и с одной из них свисала белая тряпица. Увидев ее, Шарп подумал, что неизвестные на холме вполне могли подавать кому-то сигнал.

Сами эти неизвестные стояли у двери в церковь, и с ними был португальский офицер в синей форме, выпцветшей настолько, что издалека она могла показаться голубой, как у французов. Офицер и выступил навстречу Шарпу.

— Майор Феррейра, — представился он на хорошем английском. — А вы?..

— Капитан Шарп.

— И капитан Слингсби, — вставил лейтенант Слингсби, проявивший в желании сопровождать Шарпа такое же упорство, как и в незаконном присвоении еще не полученного звания.

— Командую здесь я, — коротко объяснил Шарп.

— С какой целью вы здесь? — требовательно спросил Феррейра.

Высокий, сухощавый, смуглолицый, с аккуратно подстриженными усиками, он держался надменно и явно старался продемонстрировать свое превосходство, тем не менее Шарп уже различил некоторую неуверенность, которую португальский майор пытался замаскировать резкими манерами. Такое поведение неизменно вызывало у Шарпа желание осадить наглеца, но он поборол соблазн.

— Нам приказано сжечь телеграф.

Феррейра бросил взгляд на поднимающихся на вершину солдат. Заявление Шарпа, похоже, удивило его, но уже в следующее мгновение он скрыл удивление за неубедительной улыбкой.

— Я сделаю это за вас, капитан. Так что не извольте беспокоиться.

— Я сам выполняю то, что мне приказано.

Почувствовав враждебность, Феррейра как-то странно посмотрел на англичанина. Шарпу даже показалось, что португалец не удержится от выговора, однако майор только пожал плечами и ответил коротко:

— Что ж, если настаиваете... Только делайте это побыстрее.

— За нами дело не станет, сэр! — поспешил вмешаться Слингсби. — Ждать нечего. — Он повернулся к Харперу. — Сержант! Выполняйте! И поживее, поживее!

Харпер взглянул на Шарпа, ожидая подтверждения приказа, но Шарп не проронил ни слова, и ирландец подозвал дюжину солдат, тащивших на себе набитые соломой фуражирские сети. Еще шестеро поднесли емкости со скипидаром. Солому свалили у четырех опор телеграфной станции и смочили скипидаром. Феррейра, понаблюдав за ними с минуту, возвратился к людям в штатском, явно обеспокоенным прибытием британцев.

— Готово, сэр! — крикнул Харпер. — Поджигать?

Ответить Шарп не успел — его опередил Слингсби.

— Не тяните, сержант! — бросил он. — Поджигайте!

— погоди! — рявкнул Шарп.

Слингсби заморгал, смущенный резкостью его тона. Армейский порядок требует, в частности, чтобы офицеры в общении между собой на глазах у подчиненных поддерживали определенный этикет и уж во всяком случае соблюдали вежливость в отношении друг друга, так что Слингсби, нарвавшись на грубость и откровенно неприязненный взгляд Шарпа, даже попятился в недоумении. Лейтенант нахмурился, но промолчал, а Шарп тем временем вскарабкался по лестнице на платформу, возвышавшуюся над холмом по меньшей мере футов на пятнадцать. Три вмятины в полу указывали, где мичман ставил треногу для наблюдения за соседней станцией и получения сообщений. Располагавшуюся севернее станцию уже уничтожили, но, обратив взгляд на юг, Шарп увидел другую башню, стоявшую где-то между британскими позициями и рекой Криш. Он понимал, что оставаться на нейтральной

территории ей придется недолго. Армия маршала Массена уже растекалась по Центральной Португалии, и британцам предстояло отступить к недавно возведенным оборонительным линиям у Торрес-Ведрас. План командования заключался в том, чтобы укрыться за новыми фортификационными укреплениями и отдать инициативу французам — пусть расходуют силы в бесплодных атаках.

А чтобы силы эти истощались еще быстрее, британцы и португальцы, отступая, оставляли после себя голые поля и пустые закрома. Склады, амбары, хранилища — опустошалось все. Урожай сжигали на корню, мельницы разрушали, воду в колодцах травили, бросая в них падаль. Населению предлагалось либо уйти со скотом за оборонительные линии Торрес-Ведрас, либо укрыться в горах, которые французы старались обходить стороной. Цель всех этих мер — оставить врагу выжженную землю, на которой он не найдет даже телеграфных веревок.

Развязав одну из веревок, Шарп стащил белый флаг, оказавшийся на поверку большим носовым платком из тонкого материала, с аккуратно вышитыми синими нитками инициалами ПАФ. Феррейра? Он посмотрел вниз — португальский майор наблюдал за ним.

— Ваш? — крикнул Шарп.

— Нет, — откликнулся Феррейра.

— Тогда мой. — Шарп сунул платок в карман — к явному неудовольствию португальца. Интересно, что бы это значило? — Вы бы убрали их, — он указал на привязанных за церковь лошадей, — пока мы не подожгли башню.

— Спасибо, капитан, — холодно поблагодарил Феррейра.

— Ну что, поджигать? — крикнул снизу нетерпеливый Слингсби.

— Сначала я спущусь! — прорычал Шарп.

Оглядевшись еще раз, он заметил вдалеке, к юго-востоку, облачко серо-белого порохового дыма. Шарп достал подзорную трубу, подарок сэра Артура Уэлсли, ныне лорда Веллингтона, положил ее на балюстраду, опустил на колено и напра-